

И. А. Кузьмина

ЕЩЕ РАЗ О ТОМ, ПОЧЕМУ АФАНАСИЙ ШЕНШИН СТАЛ АФАНАСИЕМ ФЕТОМ

«Мне было уже лет 14, когда около Нового года отец решительно объявил, что повезет меня и Любиньку в Петербург учиться. Приготовлены были две кожаных кибитки <...> и как бы вроде репетиции отец повез нас с сестрою на Добрую Воду, на Оптуху к Семенковичам и, наконец, главным образом, в Орел проститься с дедушкой», — так начинается девятая глава из книги воспоминаний Фета «Ранние годы моей жизни».¹ Для Афанасия сшили новую одежду, дядя Петр Неофитович Шеншин подарил любимому племяннику серебряные часы и триста рублей ассигнациями. Выехали, когда все сборы и приготовления были закончены. Фет подробно описывает неспешное путешествие с первой остановкой во Мценске, в доме Петра Неофитовича. Затем через Калугу поехали в Москву, где провели несколько дней, а оттуда отправились в Петербург. В столице обратились к доброму знакомому и соседу по имени Николаю Петровичу Новосильцову, который был членом советов институтов, считавшихся тогда лучшими в России, — Смольного и Екатерининского. «В непродолжительном времени, — вспоминает Фет, — Любиньку отвезли в Екатерининский институт, а по отношению ко мне Жуковский <...> положительно посоветовал везти меня в Дерпт, куда дал к профессору Моеру рекомендательное письмо».² Далее, уже в десятой главе, Фет рассказывает о том, как отец на третьи сутки привез его в Дерпт, где Моер, в свою очередь, посоветовал учеб-

---

¹ РГ. С. 77.

² Там же. С. 81.

ное заведение, расположенное в соседнем городке Верро.³ Вскоре будущий поэт оказался в Верро, в частном пансионе Генриха Крюммера.

Один из первых биографов Фета, Г. П. Блок, в своей до сих пор не потерявшей значения «Летописи...» без особой уверенности (со знаком вопроса) датирует отъезд Афанасия из Новоселок ноябрем — декабром 1834 года.⁴ Логика исследователя понятна. Мальчик был представлен в пансионе Шеншиным и лишь какое-то время спустя, из письма Афанасия Неофитовича, узнал о своем «переименовании» в Фёта.⁵ Поэтому предполагалось, что Шеншин сначала отвез пасынка в Верро, а уже по возвращении, 21 января 1835 года, получил в Орле известный документ — свидетельство Орловской духовной консистории № 277.

Попробуем для начала установить дату поступления в институт Любы Шеншиной, покинувшей родные Новоселки вместе с братом Афанасием. Архив С.-Петербургского училища ордена св. Екатерины (таково официальное название Екатерининского института) дошел до наших дней далеко не в полном объеме, и личное дело сестры Фета найти не удалось. Однако некоторые документы все же сохранились. Среди «бумаг разнородного содержания», поступивших в канцелярию Училища, подшито отношение статс-секретаря Вилламова, главноуправляющего IV отделением собственной е. и. в. канцелярии.⁶ Вот текст этого документа:

Принесенное Государыне Императрице от отставного ротмистра Афанасия Шеншина всеподданнейшее прошение о принятии дочери его Любови в С.-Петербургское училище ордена св. Екатерины пансионеркою на его, просителя, иждивении,

³ РГ. С. 81–82.

⁴ *Летопись* (1985). С. 139. В более раннем своем труде Блок, сделав заключение, что Афанасий приехал в Верро в начале 1835 г., отмечает: «...свидетельство о его рождении было выдано А. Н. Шеншину <...> 21 января 1835 г., а это свидетельство потребовалось именно в связи с определением Фета в учебное заведение <...>» (*Блок Г. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Л., 1924. С. 94–95*).

⁵ РГ. С. 95.

⁶ Вилламов Григорий Иванович (1773–1842) — в 1801–1828 гг. состоял при вдовствующей императрице Марии Федоровне и был ее ближайшим помощником в делах благотворительности. После смерти Марии Федоровны опекаемые ею благотворительные заведения и среди них — институты благородных девиц, перешли в ведение вновь созданного IV отделения собственной е. и. в. канцелярии. Вилламов был назначен статс-секретарем и главноуправляющим IV отделения, в каковой должности пробыл до своей кончины.

Екатерининский институт

честь имею у сего препроводить по принадлежности в учрежденный при оном Училище Совет, для поступления по существующим правилам.

С.-Петербург, февраля 18 дня 1835 года.

Статс-секретарь по делам управления учреждений Императрицы Марии

Григорий Вилламов.⁷

В тот же день, 18 февраля, прошение Шеншина вместе с отношением Вилламова поступило в Совет, который рассмотрел его 26 февраля и, «находя все представленные о сей девице документы достаточными и согласными с установленными правилами Училища, определил: испросить Высочайшее Ее Императорского Величества повеление на принятие в Училище 10-летней девицы Любви Шеншиной на шесть лет пансионеркою на иждивении отца ее, отставного ротмистра, коего подлинное прошение поднести при том на Высочайшее Ее Величества благоусмотрение».⁸ Ждать решения императрицы Шеншину пришлось недолго: уже 28 февраля он отвез дочь в институт, заплатив тогда же 900 рублей за ее годовое содержание.⁹

⁷ Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга. Ф. 3. Оп. 1. № 161. Л. 178. Далее ссылки на это учреждение: *ЦГИА СПб.*

⁸ *ЦГИА СПб.* Ф. 3. Оп. 1. № 163. Л. 24.

⁹ В «Журнале исходящим бумагам по Канцелярии Совета, учрежденного при Училище ордена святой Екатерины 1835 года» под датой 28 февраля значится «квитанция

Известно, что младших дочерей, Анну и Надежду, Шеншин позднее поместил в Смольный монастырь, который был первым по престижности женским учебно-воспитательным заведением в России. Однако в то время институты набирали воспитанниц раз в три года, а занятия в младшем классе Смольного начались в 1833 году. Вот почему Н. П. Новосильцов посоветовал Шеншину Екатерининский институт, где как раз в 1835 году был прием в класс младшего возраста. Поступив в институт в конце февраля 1835 года, Люба Шеншина была выпущена оттуда в феврале же, шесть лет спустя.¹⁰ 24–26 января 1841 года Афанасий Неофитович приехал за дочерью в Петербург¹¹ и вместе с ней покинул столицу 9 или 10 марта.¹² Летом того же года студент Фет, прибывший в Новоселки на каникулы, смог заново познакомиться с сестрой, которую видел в последний раз ребенком.

Просмотр «Прибавлений к Санкт-Петербургским ведомостям» за 1835 год позволил установить еще некоторые даты, имеющие прямое отношение к биографии Фета. Среди лиц, прибывших из Москвы в Петербург 15 февраля, значится отставной ротмистр Шеншин.¹³ Имена и отчества в объявлениях подобного рода не указывались, но едва ли можно усомниться, что речь идет об Афанасии Неофитовиче, ведь мы уже знаем, что он находился в городе по крайней мере с 18 февраля. О выезде Шеншина в Лифляндию почему-то не пропечатано, зато есть сведения о его возвращении в Петербург из Дерпта, это произошло 17–19 марта.¹⁴ Когда же Фет поступил в пансион Крюммера? Сам поэт утверждает, что отец привел его в школу в воскресенье утром, прямо к концу воскресной службы: «Когда из небольших сеней мы переступили в главную залу, то как раз попали на воскресный молитвенный хор

в получении 900 р. за девицу Шеншину (с 28 февраля)»: *ЦГИА СПб.* Ф. 3. Оп. 1. № 164. Л. 9. Сам документ отсутствует, очевидно, он находился в личном деле Любы Шеншиной.

¹⁰ В то время выпускные экзамены и выпуски воспитанниц Екатерининского института происходили всегда в феврале (см.: С.-Петербургское училище ордена святой Екатерины (Екатерининский институт). 1789–1898 / Сост. Е. Панкратьева. СПб., 1899. С. 57).

¹¹ Прибавления к С.-Петербургским ведомостям. 1841. 28 января. № 22. С. 216. Отставной ротмистр Шеншин числится среди приехавших в Петербург из Дерпта. Далее ссылки на эту газету: *Прибавления*, с указанием года, номера и страницы.

¹² Сообщается, что Шеншин выехал из Петербурга в Мценск (*Прибавления*. 1841. 12 марта. № 57. С. 634).

¹³ Там же. 1835. 23 февраля. № 44. С. 376.

¹⁴ Там же. 24 марта. № 69. С. 634.

всего училища и на последние аккорды органа, после которых слушавшие проповедь расходятся».¹⁵ В тот же день, «ссылаясь на приближающуюся весеннюю оттепель», Шеншин пустился в обратный путь, оставив Афанасия в Верро.¹⁶ Поступление в училище, когда мальчик впервые оказался «в среде иноплеменных людей»,¹⁷ в тягостной зависимости от них, — важная веха в жизни Фета, неудивительно, что обстоятельства, сопутствующие этому событию, навсегда врезались в его память. Ближайшее к дате возвращения Шеншина в Петербург воскресенье пришлось на 17 марта. Итак, 17 марта Шеншин определил пасынка в пансион, а 19 уже был в Петербурге. Там он пробыл еще около недели: 25 или 26 марта Афанасий Неофитович, завершив все свои дела, выехал в Москву.¹⁸

Из вышеизложенного следует, что свидетельство Орловской духовной консистории № 277, равно как и свидетельство Орловского губернского правления № 270, выданные 21 января 1835 года Афанасию Неофитовичу и Елизавете Петровне, были получены до отъезда будущего поэта из Новоселок. Затем Шеншину пришлось задержаться еще на несколько дней, ожидая необходимого для зачисления Любы в институт свидетельства о дворянском ее происхождении. 22 января, определением Орловского депутатского дворянского собрания все дети его были занесены в шестую часть дворянской родословной книги.¹⁹ Копии протокола собрания для сыновей и дворянские свидетельства для дочерей были выданы Шеншину 28 января в Орле.²⁰ Отъезд из Новоселок, таким образом, мог состояться в самом начале февраля 1835 года.

Афанасий Неофитович привез пасынка в Верро, имея на руках документы, закрепляющие за ним фамилию его кровного отца Фёта, что, однако ж, не помешало ему поместить мальчика в пансион как Шеншина. Ребенку было бы легче свыкнуться и примириться с новой фамилией, если бы он вступил в школьную жизнь Фётом, но взрослые, видимо, хотели избежать тягостного объяснения. Результат известен: Афанасий

¹⁵ РГ. С. 82.

¹⁶ Там же. С. 83.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Прибавление*. 1835. 30 марта. № 73. С. 680.

¹⁹ Дело о дворянстве рода Шеншиных // РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 1077. Л. 496–499 об.

²⁰ 28 января 1835 г. датирована копия с протокола Орловского дворянского собрания, подтверждающая дворянство Василия Афанасьевича Шеншина (РГАЛИ. Ф. 515. Оп. 1. № 51). Очевидно, что А. Н. Шеншин в тот же день получил документы, удостоверяющие дворянское происхождение всех его детей.

продолжал представляться Шеншиным как в Верро, так и после, в Москве. Эта, по выражению Фета, «двойственность истины»²¹ принесла ему не только в детстве, но и в последующие годы немало страданий. В своих воспоминаниях поэт признается, что рад был по окончании университета поступить в кирасирский Орденский полк, «в новую среду на дальней стороне, где бывший Шеншин уже ни на минуту не сбивал с толку несомненного иностранца Фета».²²

Хронология событий, предшествующих «переименованию» и отъезду Афанасия, явствует из справки Орловской духовной консистории за № 1932, которую Фет получил весной 1873 года (справкой этой воспользовался Г. П. Блок, составляя свою «Летопись...»)²³ Приводим полный текст названного документа по подлиннику, хранящемуся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки.²⁴

СПРАВКА

Дана из Орловской духовной консистории гвардии штабс-ротмистру Афанасию Афанасьевичу Фет, по прошению его о том, что:

1. Сын ротмистра Афанасия Неофитовича Шеншина Афанасий записан в метрике по селу Успенскому, что на Ядрине, Мценского уезда за 1820 год под № 22-м так: «У живущей в доме ротмистра Афанасия Неофитова Шеншина амт-ассессорши Елисаветы Петровой Фет родился сын Афанасий тысяча восемьсот двадцатого года декабря <так!> двадцать третьего <так!> и крещен того ж числа»; таковая статья внесена в метрику, по определению Консистории, состоявшемуся 12 января 1835 года.

2. Из переданного архивариусом Консистории дела, начавшегося (12 января 1835 года) 5 октября 1834 года, видно, что а) по требованию Орловского губернского правления от 30 сентября 1834 года за № 13562, — о рождении сына ротмистра Афанасия Неофитова Шеншина Афанасия, — доставлена тому Правлению следующая справка, оказавшаяся записанною в метрике села Успенского на Ядрине за 1820 год под № 19-м: «Сельца Новоселок у помещика ротмистра Афанасия Неофитовича Шеншина родился сын Афанасий 1820 года ноября 29, а крещен 30 числ».

б) Но вследствие нового требования того Губернского правления от 17 ноября 1834 года за № 15859 — о доставлении справки о браке помянутого Афанасия Неофитовича Шеншина с амт-ассессоршею Елисаветою Петровою Фет, по которой оказалось, что г. Шеншин повенчан с оною Фет тысяча восемьсот двадцать второго года сентября четвертого дня — Орловское епархиальное начальство на основании своего определения 11/12 января 1835 года, доставляя сказанную справку, уведомило Губернское правление, что как ротмистра Афанасия Неофитова Шеншина женою

²¹ *МВ.* Ч. 2. С. 272.

²² Там же. С. 274.

²³ *Блок Г. П.* Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. С. 94.

²⁴ *РГБ.* Ф. 315. К. 14. № 22. Л. 13–13 об.

Елисаветою Петровою рожден сын Афанасий 1820 года еще до брака ее с г. Шеншиным, бывшего в 1822 году, то означенного Афанасия сыном г. ротмистра Шеншина признать не можно. На основании такого постановления и записана в метрике за 1820 год под № 22 — статья о рождении сказанного Афанасия. в) Потом по прошению сказанного ротмистра Афанасия Неофитова Шеншина выдано ему из Орловской консистории 21 числа января 1835 года надлежащее свидетельство о рождении Афанасия Фет. А что на 18 строке первой страницы оскоблено 12 января 1835 году, то верно. Апреля 25 дня 1873 года.

Член консистории священник Алексей Крутиков.

Секретарь А. Кедров.

За столоначальника Ив. Овсяников.

В фетоведении прочно утвердилось мнение, что внезапный интерес орловских чиновников к семейным делам Шеншиных стал следствием доноса. Впервые эта версия была высказана в 1974 году Б. Я. Бухштабом: «Незадолго до отправления его (Фета. — *И. К.*) в школу Орловское губернское правление, по чьему-то доносу, запросило Орловскую духовную консисторию о рождении сына ротмистра А. Н. Шеншина Афанасия. Получив в ответ выписку из метрической книги, губернское правление затребовало справку о браке родителей Афанасия. Духовному начальству пришлось произвести следствие, на котором крестивший Фета священник показал, что записал младенца сыном Шеншина „по уважению, оказываемому в оном доме“. После этого епархиальным властям не оставалось ничего другого, как постановить, что „означенного Афанасия сыном г. ротмистра Шеншина признать не можно...“ <...> Пришлось кланяться дармштадтским родственникам. Фет в своих мемуарах упоминает о том, „каких усилий стоило отцу моему (т. е. А. Н. Шеншину. — *Б. Б.*), чтобы склонить опекунов сестры Лины к признанию за мною фамилии ее отца...“».²⁵

На наш взгляд, версия о доносе, лишившем юного Афанасия дворянского имени и состояния, находится в противоречии с давно установленными фактами.²⁶ Считаем нелишним рассмотреть эти факты еще раз.

Метрическая запись о рождении Афанасия была обусловлена ситуацией, в которой оказались Шеншин и Шарлотта Фёт по приезде в Новоселки. Мать новорожденного все считали законной женой Шеншина, и естественно, что приглашенный крестить «господского младенца» Яков Васильев записал его сыном Афанасия Неофитовича, который не

---

²⁵ Бухштаб Б. Я. А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974. С. 8.

²⁶ См. об этом: Кузьмина И. А. Материалы к биографии А. А. Фета // *РЛ*. 2003. № 1. С. 139–141; далее ссылки на эту публикацию — *Материалы к биографии*, с указанием страницы.

мог сказать священнику правду, не набросив тени на репутацию Шарлотты. Не исключено, впрочем, что тогда, в первые месяцы своей семейной жизни, влюбленный Шеншин и в самом деле собирался в будущем дать Афанасию свою фамилию, воспользовавшись метрической записью. Но вот пять лет спустя из Дармштадта пришла весть о смерти Иоганна Фёта. Выяснилось, что Фёт в своем завещании не упомянул Афанасия, просто умолчал о нем, как будто у него и не было никогда сына.²⁷ Как же на это реагировали Шеншины? В «Летописи...» Г. П. Блока приводятся красноречивые выдержки из писем Е. П. Шеншиной к брату Эрнсту Беккеру, касающиеся завещания бывшего мужа. 18–22 марта 1826 года она писала: «Чтобы отомстить мне и Шеншину, он забыл собственное свое дитя, лишил его наследства и наложил на него пятно... Попытайся, если это возможно, упробить нашего милого отца, чтобы он помог вернуть этому ребенку его права и честь; должен же он *получить фамилию* (Курсив наш. — И. К.)».²⁸ 20 октября того же года она вновь просит брата «посодействовать получению ее сыном Афанасием „честной фамилии“. По ее словам, А. Н. Шеншин не устает повторять, что было бы легко „втиснуть“ в удостоверение на право ношения фамилии частицу „фон“ и что, если бы это было подписано „посольством и министром“, будущее счастье ребенка было бы обеспечено».²⁹

²⁷ Полный текст завещания асессора городского суда Фёта, составленного в Дармштадте 12 октября 1825 г., опубликован В. А. Шеншиной в ее кн.: А. А. Фет-Шеншин: Поэтическое мирозерцание. М., 2003. С. 212–216; далее ссылка на эту публикацию — *Шеншина*, с указанием страницы. В завещании Фёт объявил своими наследниками дочь Лину и супругу Луизу, урожд. Цан, упомянув также своих родителей, проживавших в Кельне. К своему имуществу он причислил проценты, подлежащие к уплате с капитала в десять тысяч гульденов (см. ниже, примеч. 30), считая, что деньги эти были подарены Лине и он, как отец, вправе ими распоряжаться. Выразив пожелание, чтобы опекунами Лины были назначены его жена Луиза, а также дармштадтские жители Кюхлер и Цан, Фёт обязал их продолжить начатую им тяжбу с военным комиссаром Беккером из-за долгового обязательства Шеншина. При этом Фёт особо подчеркнул, что категорически исключает ее деда с материнской стороны, как и всех представителей семьи Беккер, из числа возможных опекунов Лины. В том же году, 17 июня, Фёт подал на имя великого герцога прошение, где умолял протянуть ему «отеческую руку помощи», подарив 2000 гульденов для оплаты его долгов. Основанием для столь странной, на первый взгляд, просьбы было то обстоятельство, что в 1805–1817 гг. Людвиг I был «содержателем и приемным отцом» Фёта, т. е. содержал его с шестнадцати лет и почти до самой женитьбы (*Шеншина*. С. 218–220).

²⁸ *Летопись* (1985). С. 137.

²⁹ Там же. С. 137. Письмо известно в изложении Г. П. Блока.

В конце концов опекуны Лины, в обмен на выплату Шеншиным значительной суммы (возможно, процентов по заемному письму),³⁰ согласились признать Афанасия сыном Фёта и выслали надлежащую бумагу; произошло это, всего вероятнее, в 1826–1827 годах, во всяком случае, не позднее 1831 года.³¹ Возникает вопрос: зачем было добиваться для мальчика фамилии незнатного и небогатого иностранца Фёта, если в метрических книгах он был записан сыном столбового дворянина Шеншина?

Обратимся к документам, представленным Шеншиным Орловскому дворянскому депутатскому собранию 6 января 1830 года. По случаю наступавших дворянских выборов Афанасий Неофитович просил занести его в дворянскую родословную книгу по чину и дать знать о том уездному предводителю для внесения в «баллотированный список». При этом он особо оговаривал, что впоследствии намерен представить доказательства древнего своего происхождения. К прошению Шеншина прилагался «список по форме», где значилось: «Женат. Детей имеет сыновей Василья 2<-х лет> и дочь Любовь 6-ти лет».³² Любопытна эта грамматическая несогласованность: «сыновей Василья», как будто некто, знавший семью Шеншина, приготовился вписать в графу о детях обоих его сыновей, Афанасия и Василия, но вдруг получил указание ограничиться только младшим. Посемейный список 1830 года недвусмысленно показывает, что Афанасий Неофитович не предполагал заносить пасынка в дворянскую родословную книгу. Позже, в апреле 1834 года, в связи с иском из Дармштадта, он представил «объяснение», где упоминались *дети* его жены от первого брака, т. е., очевидно, Каролина и Афанасий.³³

Напрашивается вывод: Шеншин не собирался строить будущее Афанасия на незаконной метрической записи. Вероятно, он опасался, что

---

³⁰ И. Фёт согласился на развод лишь после того, как 23 августа 1821 г. Шеншин подписал оформленное на имя К. Беккера заемное письмо, т. е. долговое обязательство, на сумму в 20 000 рублей, что составляло 10 000 рейнских гульденов (*Материалы к биографии*. С. 127). 20 октября 1826 г. Е. П. Шеншина писала брату Э. Беккеру о требовании барона Ведекинда заплатить проценты с этого капитала (*Летопись* (1985). С. 137–138).

³¹ В 1832 г. опекуны Каролины Фёт Кихлер и Цан вытребовали через дармштадтский суд хранившееся у Э. Беккера заемное письмо Шеншина с намерением добиться от должника выплаты всей суммы с процентами (см.: *Материалы к биографии*. С. 128). В такой ситуации просить их о чем-либо было бесполезно.

³² РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 1077. Л. 400. Этот факт отмечен Г. П. Блоком (*Летопись* (1985). С. 138).

³³ *Материалы к биографии*. С. 125.

подлог когда-нибудь раскроется, и, как показали дальнейшие события, был прав в своих опасениях: в 1835 году в Орловское губернское правление, а затем и в Мценский земский суд поступили документы (копии писем Эрнста Беккера к Иоганну Фёту), из которых с несомненностью явствовало, что Афанасий был рожден до брака его матери с Шеншиным.³⁴ В таком случае вся история с «переименованием» Афанасия предстает в ином свете. Осенью 1834 года Шеншин решил, что старших детей, Афанасия и Любу, пора везти в школы. В какие именно, — он и сам еще не знал и постарался запастись всеми возможными документами. Для определения в казенное учебное заведение требовалось метрическое свидетельство или иная бумага, удостоверяющая происхождение мальчика, вот почему Шеншины начали хлопоты о признании Афанасия законным сыном Фёта. В сентябре Елизавета Петровна предъявила Орловскому губернскому правлению прошение дармштадтских опекунов, при этом она, видимо, пояснила, что в метрических книгах Афанасий ошибочно записан сыном Шеншина. 30 сентября Орловское губернское правление запросило Орловскую духовную консисторию о рождении Афанасия, затем, 17 ноября, последовал другой запрос, о браке А. Н. Шеншина. Между этими датами было открыто «Дело об усыновлении от 4 ноября 1834 года за № 1135».³⁵ В качестве усыновителя рассматривался, очевидно, покойный Иоганн Фёт. Со своей стороны, Афанасий Неофитович обратился в консисторию с прошением об изменении метрики сына его жены. Сам поэт, рассказывая в своих мемуарах о найденных в семейном архиве документах, приводит важное свидетельство: «Что переименование Шеншина в Фета последовало уже в 1834 г., явно было из приложенной черновой с прошения в Орловскую консисторию о прибавлении к моей метрике пояснения, что записан я Шеншиным по недоразумению священника».³⁶

Следует отдать должное отчиму поэта: он, несомненно, был привязан к пасынку, заботился о нем и постарался обеспечить его будущее. Университетское образование и недолгая военная служба должны были принести разночинцу Фету потомственное дворянство, а бездетный Петр Неофитович Шеншин обещал оставить своему любимцу значительный капитал. Жизнь Афанасия Фета сложилась совсем иначе, но отнюдь не по вине Афанасия Неофитовича.

³⁴ *Материалы к биографии*. С. 127–135, 137.

³⁵ Это дело упоминается Н. Н. Черногубовым в его известной статье «Происхождение А. А. Фета» (Русский архив. 1900. № 8. С. 534).

³⁶ *МВ*. Ч. 2. С. 276.